

А.В. Шипилов

ЗАРПЛАТА РОССИЙСКОГО ПРОФЕССОРА В ЕЕ НАСТОЯЩЕМ, ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

Шипилов Андрей Васильевич – кандидат культурологических наук, доцент кафедры философии Воронежского государственного педагогического университета.

Думается, что мы не отступим далеко от истины, если скажем, что одной из наиболее актуальных и наиболее проблемных проблем высшей школы современной России является проблема заработной платы профессорско-преподавательского состава. После повышения размера надбавок за ученую степень (доктор наук с 1 января 2003 г. получает 1500 руб., кандидат наук – 900 руб.) правительство обещает в рамках общей реформы системы оплаты труда работников бюджетной сферы с 1 октября 2003 г. несколько увеличить должностные оклады ППС. О том, в каких цифрах должно выразиться это повышение, мы поговорим ниже, теперь же нам хотелось бы несколько осветить историю вопроса.

Наиболее адекватным для этого методом является сравнительно-исторический. Сами по себе данные о зарплате вузовских преподавателей в разные исторические периоды мало что говорят, если сравнивать их друг с другом. Для того, чтобы выявить реальный уровень обеспечиваемого той или иной заработной платой благосостояния, следует, с одной стороны, проанализировать синхронный уровень цен на товары и услуги, а с другой стороны, сравнить заработную плату работников разных профессий. Понятно, что в рамках журнальной статьи развернуть достаточно фундированный анализ невозможно, и потому мы ограничимся лишь ценами на продукты питания, и попробуем выяснить, чего и сколько мог приобрести на свое жалование российский профессор в разные периоды отечественной истории, и каким был уровень этого самого жалования по сравнению с зарплатой индустриального рабочего.

Первым высшим учебным заведением в России был университет при Санкт-Петербургской академии наук, члены которой по регламентам 1725 и 1747 гг. были обязаны читать публичные лекции. В 1730 – 1740-х гг. размер оклада академических профессоров варьировал в диапазоне от 500 до 1800 руб. в год (в зависимости от личной известности и влияния); собственно же жалование профессора равнялось 660 руб.¹ Много это или мало? Рабочие столичных предприятий (ученики и мастерские казенных и частных мануфактур) зарабатывали в это время от 12 до 45 рублей в год, в среднем около 30 руб.²; профессорское жалование, таким образом, превосходило зарплату рабочего в 22 раза. А вот еще для сравнения: в армии капрал получал 12 руб. в год, вахмистр – 13 руб., подпрапорщик – 22 руб., прапорщик – 50 руб., поручик – 80 руб., капитан – 100 руб., майор – 140 руб., подполковник – 150 руб., полковник – 300 руб.³; в лейб-гвардии Семеновском полку по штату 1733 г. гренадеры и мушкетеры младшего оклада получали жалование 13 руб. 37 коп. в год, рядовые старшего оклада – 18 руб. 37 коп., подпрапорщики, фурьеры и капралы – 19 руб. 37 коп., каптернамус – 25

¹ Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. – СПб, 1997. – С. 179; Перевороты и войны. – М., 1997. – С. 256; Хотеев П.И. Книга в России в середине XVIII в. Частные книжные собрания. – Л., 1989. – С. 52.

² Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма (1703 – 1861 гг.). – М.-Л., 1955. – С. 66, 70; Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. – Л., 1974. – С. 131 – 158.

³ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. – М., 1993. – С. 237 – 241.

руб. 37 коп., сержант – 37 руб. 37 коп., прапорщик – 120 руб., подпоручик – 140 руб., поручик – 180 руб., капитан-поручик – 300 руб., капитан – 360 руб.⁴ Таким образом, профессорское жалование более чем вдвое превосходило полковничье, не говоря уже об унтер-офицерском (профессор получал в 30 раз больше, чем армейский подпрапорщик).

Что же мог купить профессор на свои 55 рублей в месяц в Санкт-Петербурге, бывшим тогда одним из самых «дорогих» городов страны? (При анализе следует учитывать специфические по сравнению с сегодняшним днем ценовые соотношения: мука тогда стоила дороже, мясо и рыба дешевле, колониальные товары, в числе которых был и сахар, были очень дороги, и т.д.; при этом и цены, и соотношения между ними постоянно менялись). Вот средние петербургские цены 30 – 40-х гг.: пуд. ржаной муки стоил 27 коп., пшеничной – 40 коп., масла коровьего – 1 руб. 30 коп., конопляного – 80 коп., лучшей говядины – 80 коп., сала, ветчины, свинины – 1 руб. 20 коп., сельди – 20 – 40 коп., судака или щуки – 60 коп., лосося – 1 руб. 20 коп., осетрины – 1 руб. 60 коп., семги – до 2 руб., икры – от 1 руб. 20 коп. до 2 руб., сахара – 8 руб., кофе – 15 руб.⁵ Таким образом, на месячную зарплату профессор мог купить (или – или): 3337 кг ржаной муки, 2252 кг пшеничной муки, 693 кг коровьего масла, 1126 кг конопляного масла, 1126 кг говядины, 751 кг свинины или ветчины, 2252 – 4505 кг сельди, 1502 кг судака или щуки, 751 кг лосося, 563 кг осетрины, 450 кг семги, от 450 до 751 кг черной икры, 113 кг сахара, 60 кг кофе. Рабочий же на свои 2,5 руб. в месяц мог купить (или – или): 152 кг ржаной муки, 102 кг пшеничной муки, 31 кг коровьего масла, 51 кг конопляного масла, 51 кг говядины, 34 кг свинины, 102 – 205 кг сельди, 68 кг судака или щуки, 34 кг лосося, 26 кг осетрины, 20 кг семги, от 20 до 34 кг черной икры, 5 кг сахара, 2,7 кг кофе. Рабочим, как видим, жилось не очень легко, но жить было все-таки можно; что же касается профессора, то он не только мог купить в 22 раза больше, чем рабочий, но и мог купить самого этого рабочего (по Табели о рангах профессорская должность находилась в IX классе и сообщала ее обладателю личное дворянство, а личные дворяне до 1758 – 1760 гг. могли приобретать недвижимые имения – т.е. землю и крепостных⁶). Душа мужского пола в рассматриваемый период стоила в среднем 20 – 30 руб., поэтому профессор при желании мог на свое жалование покупать по паре душ ежемесячно.

Конечно, душевладение для современности суть историческая экзотика, поэтому обратимся к эпохам менее отдаленным от нас. По университетскому уставу 1804 г. профессор получал жалование в 2000 руб. (ассигнациями) в год, за исполнение обязанностей декана платили еще 300 руб. В Санкт-Петербургском Педагогическом институте по штату 1804 г. профессор получал 2000 руб. жалования и 500 руб. квартирных. Для сравнения: по штату 1803 г. в Академии наук ординарный академик получал жалование 2200 руб., прослужившим более 20 лет выплачивалась прибавка 500 руб.; академик, таким образом, получал примерно столько же, сколько и университетский профессор (для примера: сегодня действительный член РАН только за свое звание получает 20 тыс. руб., в то время, как профессорская зарплата в 4 с лишним раза меньше). Еще интересней то, что объем учебной нагрузки в университетском уставе вообще не был определен; представление о том, каким он мог быть, дает устав Педагогического института: здесь профессора читали, в зависимости от преподаваемых дисциплин, лекции по 3 – 4

⁴ Подробное известие о Лейб-Гвардии Семеновском полку // Родина, № 11, 2000; с. 27 – 28.

⁵ Очерки истории Ленинграда... – С. 84 – 85; Беспятовых Ю.Н. Ук. соч. – С. 92; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. III. – СПб, 1859. – С. 502.

⁶ Яблочков М. История дворянского сословия в России. – СПб, 1876. – С. 477.

часа (астрономических) в неделю. В то же время рабочие в Санкт-Петербурге, трудившиеся в среднем по 60 – 70 часов в неделю, зарабатывали от 36 до 168 руб. в год, в среднем 80 руб.⁷: работали они в 15 – 20 раз больше, а получали в 25 – 30 раз меньше профессора (очевидно, умственный труд ценился несколько выше, чем сегодня).

Цены в первые годы XIX в. в Санкт-Петербурге выглядели так: пуд ржаной муки стоил 79 – 98 коп. (ассигнациями), муки пшеничной сеяной от 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 80 коп., крупы гречневой – 1 руб. 10 коп., риса – 3 руб. 20 коп., мяса – от 4 руб. до 4 руб. 40 коп., масла коровьего – 13 руб., сахара – 18 – 19 руб., кофе – 20 – 26 руб.⁸ Соответственно, профессор Педагогического института, получавший за свои 12 лекционных часов в месяц 208 рублей, мог купить (или – или): 3477 – 4313 кг ржаной муки, 1217 – 1420 кг пшеничной сеяной муки, 3097 кг гречневой крупы, 1065 кг риса, 774 – 852 кг мяса, 262 кг масла коровьего, 179 – 189 кг сахара, 131 – 170 кг кофе. В свою очередь, рабочий на свои 6 руб. 67 коп. в месяц мог купить (или – или): 111 – 138 кг ржаной муки, 39 – 46 кг сеяной пшеничной муки, 99 кг гречневой крупы, 34 кг риса, 25 – 27 кг мяса, 8 кг коровьего масла, 6 кг сахара, 4 – 5 кг кофе.

В эпоху правления Николая I университетские вольности были несколько ограничены, а обязанности профессорско-преподавательского состава, наоборот, увеличены. Статья 86 нового университетского устава 1835 г. гласила: «Профессор обязан преподавать предмет свой не менее 8 часов в неделю»⁹. Таким образом, объем учебной нагрузки вырос в два раза; однако это повышение компенсировалось как увеличением жалования, так и путем предоставления различных льгот и привилегий. В том же 1835 г. был издан указ «О расписании должностей гражданской службы по классам от XIV до V класса включительно»¹⁰, и по этому расписанию должность ординарного профессора была отнесена к VII классу; иными словами, профессор получал чин надворного советника и потомственное дворянство (экстраординарные профессора и адъюнкты были коллежскими советниками и тоже получали потомственное дворянство). В самом университетском уставе 1835 г. были весьма подробно изложены нормы пенсионного обеспечения профессорско-преподавательского состава: в частности, указывалось, что ординарным и экстраординарным профессорам, адъюнктам и лекторам «за двадцать пять лет безпорочной и усердной службы, обращается в пенсию, при увольнении их, полный оклад их жалования. Заслуженные Профессоры, при занятии вновь кафедры или при вступлении в другой род службы, сохраняют пенсию, сверх оклада жалования по занимаемой ими должности»¹¹. Если университетский преподаватель, проработав 10 лет, вынужден был уйти со службы по причине неизлечимой (препятствующей исполнению профессиональных обязанностей) болезни, ему выплачивалась пожизненная пенсия в размере 1/2 оклада; если он увольнялся по болезни, имея 15-летний стаж, то получал пенсию в размере 3/4 оклада, если стаж достигал 20 лет, пенсия выплачивалась

⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. 1802 – 1825. – СПб, 1864. – Стб. 215 – 219, 264 – 301; Штаты и Приложения, с. 3, 12; История рабочих Ленинграда. Т. 1. – Л., 1972. – С. 102, Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800 – 1861 гг. – Л., 1981. – С. 209.

⁸ Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. I. – Пг., 1923. – С. 107; История рабочих Ленинграда... – С. 107; Семенов А. Ук. соч. – С. 503.

⁹ Сборник постановления по Министерству Народного Просвещения. Т. II. Отд. I. 1825 – 1839. – СПб, 1864. – Стб. 756.

¹⁰ Там же, Штаты и Приложения, с. 35; Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. – Л., 1991. – С. 124.

¹¹ Сборник постановления по Министерству Народного Просвещения. Т. II. Отд. I. – Стб. 764.

в размере оклада. В случае смерти пенсионера государство брало на себя обеспечение его семьи: «Если Профессор, Адъюнкт или Лектор, уволенный с пенсией, оставит вдову и детей, в таком случае семейство его пользуется одинаковою пенсией со вдовою и детьми умершаго на службе Профессора, Адъюнкта или Лектора, смотря по числу лет оной»¹². Дело в том, что если преподаватель умирал на службе, прослужив (отработав) менее 5 лет, его вдова и дети получали «единовременно по окладу годового жалования покойного, той и другим особо»¹³. Если покойный отслужил от 5 до 15 лет, то кроме данной единовременной выдачи, вдове и детям назначалась пенсия в размере 1/5 его оклада, если 20 лет – 1/4 оклада. Выплата пенсия прекращалась в трех случаях: если уволенный по неизлечимой болезни поступал на службу, если вдова вступала в новый брак, и «детям, когда последнему в семействе исполнится двадцать один год, или когда и прежде того времени дочери вступят в замужество, а сыновья будут определены в учебныя заведения на казенное содержание или в службу»¹⁴.

Впрочем, нас больше интересует не пенсия, а зарплата; так вот, по штату 1835 г. ординарные профессора столичных университетов получали 5000 руб. жалования и 500 руб. квартирных (за исполнение обязанностей декана выплачивалось еще 500 руб.); в провинциальных университетах оклад был на тысячу рублей меньше. Интересно сравнить эти цифры с цифрами оклада жалования других категорий работников сферы народного образования. В том же университете, где ординарный профессор получал 5500 руб., ректору полагалось 6500 руб. – всего на тысячу рублей больше; с другой стороны, экстраординарный профессор получал 3500 руб. плюс 400 руб. квартирных, адъюнкт – 2500 руб. плюс 300 руб. квартирных, лектор – 1800 руб.; библиотекарю платили 2500 руб., бухгалтеру – 1500 руб., механику и врачу при студенческой больнице – по 700 руб., канцелярским служащим – от 250 до 600 руб., в зависимости от категории. Таким образом, профессор получал в 2,2 раза больше, чем заведующий библиотекой, в 3,7 раза больше, чем бухгалтер, в 7,6 раз больше, чем студенческий врач, и в 22 раза больше, чем начинающий работник университетской канцелярии. Административные работники вообще получали меньше преподавателей: по штату учебных округов 1835 г., в столичных учебных округах (Санкт-Петербургском и Московском; вся империя делилась тогда на 8 учебных округов) инспектор казенных училищ получал 3000 руб., правитель канцелярии попечителя – 2500 руб., столоначальник – 1500 руб., помощник столоначальника – 1000 руб.¹⁵ С другой стороны, и ученые не получали больше преподавателей: по штату Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, академик получал жалование 5000 руб. (прослуживший более 20 лет – на 1000 руб. больше), адъюнкт – 2500 руб. (получивший степень экстраординарного академика – на 1000 руб. больше)¹⁶. Таким образом, ординарный профессор получал больше, чем ординарный академик (за счет квартирных), и даже самый заслуженный академик получал ровно столько же, сколько университетский декан. Наконец, в гимназиях старшие учителя по штату 1828 г. получали оклады от 1375 до 2250 руб. в зависимости от места работы (губернии делились на три разряда, а столицы были выделены особо), в уездных училищах (начальных школах) учителям наук (предметникам) платили от 625 до 900 руб. Вообще диапазон преподавательских окладов был очень широким: низшая ставка (учитель уездного училища в губерниях второго и третьего разряда) равнялась 200 руб., а высшая (профессор столичного университета, исполняющий обязанности декана) –

¹² Там же, стб. 765.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стб. 766.

¹⁵ Там же, Штаты и Приложения, с. 29.

¹⁶ Там же, с. 36.

6000 руб.: таким образом, преподаватель высшей из возможных квалификации получал в 30 раз больше, чем преподаватель низшей квалификации.

Что же мог купить столичный профессор на свою месячную зарплату в 458 рублей? Надо заметить, что увеличение размеров жалования по штату 1835 г., по сравнению с штатом 1804 г., представляло собой фактически индексацию: дело в том, что курс ассигнационного рубля за это время снизился с 77 до 27,4 коп. серебром (в 1814 – 1815 гг. ассигнационный рубль равнялся даже 20 коп. серебром)¹⁷. Соответственно росли и цены: так, на московском рынке (заметим, что московские цены были существенно ниже петербургских) в январе 1837 г. пуд ржаной муки продавался по средней цене 75 коп., гречневой крупы – 94 коп., свежего мяса – 4 руб. 80 коп., соленого мяса – 5 руб. 20 коп., масла коровьего – 12 руб. 95 коп.¹⁸; пуд кофе (в 1833 г.) стоил 54 руб.¹⁹ Соответственно, профессор Московского университета мог купить (или – или): 10 003 кг ржаной муки, 7981 кг гречневой крупы, 1563 кг свежего мяса, 1443 кг соленого мяса, 579 кг коровьего масла, 139 кг кофе.

Что касается индустриальных рабочих средней квалификации, то их заработок за это время практически не увеличился (старший мастерской второго разряда получал 120 – 130 руб. в год., младший мастерской – 72 руб.)²⁰. Чтобы все время не анализировать лишь столичные зарплаты и цены, возьмем данные по одному из важнейших промышленных центров империи – Уралу. На уральских частных заводах в середине 30-х гг. подмастерья получали от 50 до 115 руб., в среднем 80 руб. в год или 6 руб. 67 коп. в месяц. В Челябинске в 1835 г. пуд ржаной муки продавался за 1 руб. 04 коп., пуд гречневой крупы стоил 1 руб. 86 коп., сотня огурцов – 4 руб. 25 коп. (здесь и далее – среднегодовая цена), сотня кочанов капусты – 5 руб. 50 коп., сотня яиц – 1 руб. 65 коп., пуд говядины – 3 руб. 25 коп., солонины – 3 руб., мелкой рыбы – 3 руб. 50 коп., коровьего масла – 9 руб., конопляного масла – 14 руб., меда – 22 руб.; пара кожаных сапог стоила 3 руб. 75 коп., суконный кафтан – 12 руб., шапка – 2 руб.²¹ Соответственно, на свой месячный заработок уральский рабочий мог купить (или – или): 105 кг ржаной муки, 59 кг гречневой крупы, 157 шт. огурцов, 121 кочан капусты, 404 яйца, 34 кг говядины, 36 кг солонины, 31 кг рыбы, 12 кг коровьего масла, 8 кг конопляного масла, 5 кг меда; месячного заработка примерно хватало, чтобы купить три шапки или две пары сапог, а цена кафтана равнялась двухмесячной зарплате.

Таким образом, московский профессор, по сравнению с челябинским рабочим, мог купить: ржаной муки – в 95 раз больше, гречневой крупы – в 135 раз больше, говядины – в 46 раз больше, солонины – в 40 раз больше, масла коровьего – в 48 раз больше; таково было соотношение зарплат, цен, материального благосостояния и социального статуса.

В дальнейшем этот разрыв стал постепенно уменьшаться. По штату 1863 г. ординарный профессор университета получал жалование (вместе с квартирными и столовыми добавками) 3000 руб. в год²², т.е. 250 руб. в месяц. Квалифицированные рабочие в это время зарабатывали по 15 – 20 руб. в месяц²³, а цены на московском рынке были

¹⁷ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX вв.). – Л., 1985. – С. 37.

¹⁸ Материалы для статистики Российской империи. – СПб, 1841.; Приложение № 1.

¹⁹ Семенов А. Ук. соч. – С. 504.

²⁰ История рабочих Ленинграда... – С. 107; Китанина Т.М. Ук. соч. – С. 226.

²¹ Материалы для статистики Российской империи. – С. 69 – 79.

²² Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971. – С. 184.

²³ Пажитнов К.А. Ук. соч. – С. 119.

такими: пуд ржаной муки – 77 коп., гречневой крупы – 1 руб. 07 коп., хлеба – 56 коп., мяса – 2 руб.²⁴ Соответственно, профессор на месячную зарплату мог купить (или – или): 5319 кг ржаной муки, 3827 кг гречневой крупы, 7313 кг хлеба, 2049 кг мяса, а зарабатывавший по 20 руб. в месяц рабочий – 425 кг ржаной муки, 306 кг гречневой крупы, 585 кг хлеба, 164 кг мяса.

По университетскому уставу 1884 г. штатное содержание профессорско-преподавательского состава осталось прежним: ординарный профессор – 3000 руб. в год., экстраординарный профессор – 2 тыс. руб., надбавка за исполнение должности декана – 600 руб., ректора – 1500 руб. В то же время была введена дополнительная гононарная система оплаты – по 1 руб. за недельный час (из средств, вносимых студентами за право сдавать тот или иной курс); размер ее зависел в основном от количества студентов и на практике чаще всего не превышал 300 руб. в год (хотя некоторые профессора юридического факультета могли зарабатывать до 12 тыс. руб. в год)²⁵. Соответственно, средний размер профессорской зарплаты можно определить в 3300 руб. в год, или 275 руб. в месяц. Для сравнения: в армии полковник, командир полка, получал в это время 3711 руб.²⁶ – лишь ненамного больше (зато на пенсию офицеры уходили по выслуге 35 лет, а вузовские преподаватели – 25 лет, причем профессор мог занимать кафедру и после выхода на пенсию, получая таким образом двойной оклад).

Размер среднего годового заработка рабочих по всей империи на 1890 г. составлял 187 руб. 60 коп. (минимум – 88 руб. 54 коп., максимум – 606 руб.); в Санкт-Петербургской губернии среднегодовой заработок рабочего составлял 232 руб., в Московской – 167 руб.²⁷

Таким образом, московский профессор получал в это время в 20 раз больше московского рабочего; теперь посмотрим, что могли купить тот и другой на свою зарплату. В 1890 г. цены в Москве были такими (среднегодовые товарные цены; розничные цены были несколько выше, но и зарплата тоже могла быть выше; мы считаем возможным в данном случае игнорировать разницу между оптовыми и розничными ценами, так как приводим цены на самые дорогие сорта того или иного продукта). Мука ржаная продавалась по 90 коп. за пуд, мука пшеничная – 2 руб. 03 коп., пшено – 1 руб. 16 коп., крупа гречневая – 1 руб. 33 коп., масло подсолнечное – 4 руб. 58 коп., масло коровье – в зависимости от сорта от 7 руб. (подсырное) до 14 руб. 10 коп. (из гретых сливок), берем свежее сливочное 1 сорта – 13 руб., сыр – в зависимости от сорта от 3 руб. 75 коп. (зеленый) до 7 руб. 75 коп. (швейцарский), берем голландский – 6 руб. 25 коп., говядина – 3 руб. 66 коп. за пуд, телятина – 6 руб. 80 коп., баранина – 3 руб. 20 коп., свинина – 4 руб. 45 коп., яйца – 24 руб. 58 коп. за 1000 шт., сахар-песок – 4 руб. 80 коп. за пуд, сахар-рафинад – 5 руб. 76 коп., кофе цейлонский – 22 руб. 80 коп., чай черный байховый китайский – 63 руб. 20 коп.²⁸

Соответственно, на свою месячную зарплату в 275 руб. профессор Московского университета мог купить (или – или): 5005 кг ржаной муки, 2219 кг пшеничной муки, пшена – 3883 кг, гречневой крупы – 3387 кг, масла подсолнечного – 984 кг, масла сли-

²⁴ Пажитнов К.А. Ук. соч. – С. 117; Сборник статистических сведений по Московской губернии на 1869 год. – М., 1869. – С. 68 – 71.

²⁵ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года. – М., 1995. – С. 106; Лейкина-Свирская В.Р. Ук. соч. – С. 186; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах. – М., 1981. – С. 99.

²⁶ Чиненный С. По погонам и оклад // Родина, 2002, № 2; с. 52.

²⁷ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). – М., 1979. – С. 101.

²⁸ Свод товарных цен на главных рынках России за 1890 – 1895 годы. – СПб, 1896.

вочного – 347 кг, сыра голландского – 721 кг, говядины – 1231 кг, телятины – 662 кг, баранины – 1408 кг, свинины – 1012 кг, яиц – 11 188 шт., сахара-песка – 938 кг, рафинада – 782 кг, кофе – 198 кг, чая – 71 кг. В то же время московский рабочий мог купить на свой месячный заработок в 14 руб. (или – или): муки ржаной – 255 кг, муки пшеничной – 113 кг, пшеница – 198 кг, гречки – 172 кг, масла подсолнечного – 50 кг, масла сливочного – 18 кг, сыра голландского – 37 кг, говядины – 63 кг, телятины – 34 кг, баранины – 72 кг, свинины – 52 кг, яиц – 570 шт., сахара-песка – 48 кг, рафинада – 40 кг, кофе – 10 кг, чая – 4 кг.

В последующие десятилетия как цены, так и зарплаты довольно быстро увеличивались. В 1912 г. на оптовом рынке Москвы гречневая крупа продавалась по 1 руб. 40 коп. за пуд, пшено стоило 1 руб. 60 коп., мука ржаная – 1 руб. 44 коп., мука пшеничная – 2 руб. 60 коп., говядина – 5 руб. 85 коп., свинина – 7 руб. 31 коп., масло свежее вологодское из гретых сливок – 17 руб. 83 коп., масло подсолнечное – 5 руб. 05 коп., яйца – 29 руб. 50 коп. за 1000 шт., чай цветочный – 120 руб. за пуд²⁹. В том же 1912 г. средняя зарплата рабочих в империи за год по разным отраслям варьировала от 156 до 400 руб., в среднем – 255 руб.; в Московской губернии в 1913 г. среднегодовой заработок рабочих составлял 252 руб. 79 коп.³⁰ На месячный заработок в 21 руб. московский рабочий мог купить (или – или): муки ржаной – 239 кг, муки пшеничной – 132 кг, пшеница – 215 кг, гречки – 246 кг, говядины – 59 кг, свинины – 47 кг, масла сливочного – 19 кг, масла подсолнечного – 68 кг, яиц – 712 шт., чая цветочного – 3 кг.

Что касается вузовских преподавателей, то их жалование росло медленнее: университетский устав и штаты 1884 г. до 1917 г. оставался неизменным; правда, в 1902 и 1913 гг. преподаватели получили прибавки. В проектах нового общеуниверситетского устава фигурировали цифра окладов в 4500 руб. для ординарного профессора и 3000 руб. для экстраординарного профессора³¹. До принятия нового устава дело так и не дошло, однако в вновь учреждаемых вузах того времени штатные оклады выглядели именно так. Например, по штату учрежденного в 1912 г. Воронежского сельскохозяйственного института профессорский оклад равнялся 4500 руб. (3000 руб. жалованья и по 750 руб. столовых и квартирных), адъюнкт-профессоры получали 3000 руб., штатные преподаватели – 2100 руб., старшие ассистенты и лаборанты – 1500 руб., младшие ассистенты и лаборанты – 1200 руб.³²

Что можно было купить на эти деньги в Воронеже? На 1910 г. розничные цены в Воронежской губернии были таковы: картофель – 13 коп. за пуд, говядина – 4 руб. 50 коп., баранина – 4 руб. 15 коп., свинина – 4 руб. 95 коп., сало свиное – 8 руб. 05 коп., масло сливочное – 17 руб.; лошадь здесь продавалась за 73 руб., вол стоил 92 руб., дойная корова – 61 руб., свинья – 22 руб., овца – 7 руб. 80 коп.³³ Если сделать некоторую натяжку и экстраполировать цены 1910 г. на 1912 г., то получим следующее. Профессор Воронежского СХИ на свою месячную зарплату в 375 руб. мог купить (или – или): картофеля – 47 253 кг, говядины – 1365 кг, баранины – 1480 кг, свинины – 1241 кг, сала свиного – 763 кг, масла сливочного – 361 кг; при желании он мог приобрести 4 волов,

²⁹ Свод товарных цен на главных русских и иностранных ранках за 1912 год. – СПб, 1913; Статистический ежегодник на 1913 год. – СПб, 1913. – С. 546, 552, 568.

³⁰ Кирьянов Ю.И. Ук. соч. – С. 104.

³¹ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах. – С. 99.

³² Отчет о состоянии Воронежского Сельскохозяйственного Института Императора Петра I-го за 1913 год // Записки Сельскохозяйственного Института Императора Петра I в Воронеже. Том I. – М., 1916.

³³ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. – СПб, 1912. – С. 440 – 471.

или 5 лошадей, или 6 коров, или 17 свиней, или 48 овец. Интересно также взглянуть на покупательную способность младших лаборантов: на свою весьма скромную 100-рублевую месячную зарплату они могли приобрести (или – или): 9636 кг картофеля, 364 кг говядины, 395 кг баранины, 331 кг свинины, 203 кг сала, 96 кг сливочного масла.

Как видно из вышеприведенных данных, в Российской империи накануне Первой мировой войны зарплата лаборанта в вузе превосходила среднюю зарплату индустриального рабочего в 4,7 раза. Что касается зарплаты профессора, то более показательным будет бросить взгляд на весь дореволюционный период существования высшей школы в России: в 30 – 40-е гг. XVIII в. зарплата профессора была больше зарплаты рабочего в среднем в 22 раза, в 1804 г. – в 25 раз, в 1835 г. – в 45 раз, в 1863 г. – в 15 раз, в 1890 г. – в 18 раз, в 1912 г. – в 17 раз. Можно привести еще такой пример: рабочий день профессора ВСХИ оплачивался государством в 14 руб. 42 коп., рабочий день лаборанта того же института – в 3 руб. 85 коп., а сезонный сельскохозяйственный рабочий в Воронежской губернии зарабатывал (без коня, на своих харчах): на посевах – 65 коп. в день, на сенокосе – 80 коп., на уборке – 1 руб.³⁴ В среднем получается, что тяжелым физическим трудом (не менее 15 часов в день) можно было заработать 82 коп., в то время, как высококвалифицированный интеллектуальный труд (а у профессора при тогдашнем объеме учебной нагрузки последняя, как правило, не превышала 1 астрономического часа в день) оплачивался в 17 – 18 раз дороже, и даже труд институтского лаборанта по сравнению с крестьянским трудом ценился в 4,7 раз выше. И это не значит, что физический труд ценился недопустимо низко – на заработок в 82 коп. в день можно было купить 79 кг картофеля или 3 кг говядины, и это вполне достойная плата; это значит, что интеллектуальный труд ценился гораздо, гораздо выше.

Но, как видно, эту систему ценностей в дореволюционной России разделяли не все. Спустя несколько лет страна была ввергнута в хаос войн и революций, в результате которых в стране установился новый социально-политический строй, одним из главных устоев которого стал приоритет труда физического над трудом умственным. Этот весьма своеобразный феномен находил свое отражение, в том числе, и в сфере оплаты труда: в начале 1920-х гг. профессорско-преподавательский состав вузов получал лишь 1/5 от дореволюционного содержания, и только к концу периода НЭПа преподаватели стали получать около 40% от дореволюционного уровня. Профессор в это время получал в 4 раза больше индустриального рабочего³⁵; однако, как вскоре выяснилось, это было еще сравнительно неплохо, так как с началом «большого скачка» конца 1920-х – начала 1930-х ситуация в стране резко ухудшилась. В 1930 г. зарплаты рабочих в стране «диктатуры пролетариата» варьировали от 30 до 180 руб., а пуд муки на рынке стоил 20 – 30 руб., килограмм мяса – 9 руб., литр молока – 1 руб., килограмм масла – 7 руб., десяток яиц – 2 руб. (в кооперативной торговле уровень цен был в несколько раз ниже, но в этих магазинах товары отпускались по нормам: 300 – 600 г хлеба, 100 – 200 г мяса и т.д. на человека, а зачастую и вовсе отсутствовали). В этой ситуации была введена карточная система; в 1931 г. профессора и доценты вузов стали снабжаться по нормам индустриальных рабочих. Профессора, прикрепленные к закрытым столовым, стали получать академический паек – 5 кг мяса, 7,5 кг рыбы, 600 г. коровьего масла, 5 яиц на человека в месяц. Конечно, это было весьма скромно по сравнению с питанием элиты: так, спецпак для Дома правительства (литера «А») в 1932 г. состоял из: 4 кг мяса, 4 кг колбасы, 1,5 кг сливочного масла, 2 л растительного масла, 6 кг свежей рыбы, 2 кг сельди, 3 кг сахара, 3 кг муки, 800 г хлеба (в день), 3 кг круп, 8 банок консервов, 20 яиц,

³⁴ Там же, с. 476.

³⁵ Кирилов С. О судьбах "образованного сословия" в России // Новый мир, 1995, № 8; с. 156.

2 кг сыра, 1 кг кетовой икры, 50 г чая, 1 л молока. В то же время бросается в глаза, каким безысходным нищенством (причем созданным искусственно) отдает вся эта пайковая система – за два десятка лет до этого не только профессор, но даже и лаборант мог в несколько раз больше (а главное, свободно) купить продуктов на свое жалование.

В закрытых распределителях индустриальных рабочих, по нормам которых снабжались отныне профессора, товары отпускались по искусственно заниженным ценам: килограмм пшеничной муки продавался по 25 – 28 коп., в то время, как на рынке – по 3 – 4 руб., цена килограмма мяса, соответственно, выглядела как 1,47 – 2,12 /6 – 10 руб., рыбы – 1,23 – 1,37/4 – 5 руб., молока – 0,42 – 0,48/2 руб., масла сливочного – 6,36 – 8,47/19 – 21 руб., сахара – 1,02 – 1,13/12 руб., яйца (десяток) – 2 – 3/13 – 14 руб. Таким образом, советский рабочий со средней зарплатой в 125 руб. (на 1933 г.) мог купить на рынке (или – или): 15 кг мяса, 28 кг рыбы, 6 кг масла, 10 кг сахара, 90 яиц. А на рынок идти так или иначе приходилось, так как в распределителях все товары отпускались по строго контролируемым нормам; даже когда в 1935 г. карточная система была отменена, немедленно были установлены нормы отпуска товаров в одни руки: не более 2 кг мяса, колбасы, хлеба, макарон, крупы, сахара, 3 кг рыбы, 500 г. масла, 100 г чая³⁶.

Однако оставим все эти пайково-карточные нормативы и обратимся к эпохе сравнительного благополучия советской социально-экономической системы. В течение тридцатилетнего периода с 1961 по 1991 г. размер профессорской зарплаты был неизменным и равнялся 500 руб. («грязными»); в то же время зарплата индустриальных рабочих постоянно росла и к середине 1980-х гг. достигла 200 руб.³⁷ Таким образом, труд профессора оплачивался теперь только в 2,5 раза выше труда индустриального рабочего. В то же время трудиться приходилось больше – учебная нагрузка по сравнению с дореволюционными временами значительно выросла. По Типовому положению о порядке планирования учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава, утвержденному приказом Минвуза СССР № 520 от 17.07.87, фактическая учебная нагрузка преподавателя должна была составлять от 450 до 1000 часов в год, включая не менее 150 часов аудиторных занятий (для профессоров и доцентов). (В этом отношении следует напомнить общеизвестный факт, что продолжительность трудовой недели в промышленности снизилась с дореволюционных 60 – 65 часов до 40 часов: рабочие стали работать примерно в полтора раза меньше). О выходе на пенсию после 25-летней службы теперь не приходилось и мечтать; кроме того, если дореволюционный профессор-пенсионер, кроме пенсии в размере оклада, мог продолжать занимать кафедру и получать полное жалование, советский профессор с его сравнительно скромной пенсией мог вести преподавательскую работу только по срочному договору с оплатой, не превышающей 0,25 оклада по штатной должности, или с почасовой оплатой, но не более 350 руб. вместе с пенсией (Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС № 329 от 13.03.87). Тем же постановлением (Приложение № 9) устанавливались и ставки почасовой оплаты труда: так вот, доктору наук, профессору за час занятий со студентами платили 7 руб., а лицам, не имеющим ученой степени и ученого звания – 4 руб. До революции такое лицо вообще не допускалось к кафедре – право на чтение лекций приобреталось лишь с защитой магистерской диссертации. Что касается иных форм учебной работы, то в 1912 г. старший ассистент, как мы видели, получал 1500 руб., а профессор – 4500 руб.: таким образом, труд профессора до революции оплачивался в 3 раза выше по сравнению с трудом преподавателя без степени и звания, а те-

³⁶ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941. – М., 1997. – С. 78, 95, 112, 128, 129, 187, 255.

³⁷ Синельников-Мурылев С. Бюджетный кризис в России: 1985 – 1995 годы. – М, 1995.

перь лишь в 1,75 раз выше (можно сказать, что удостоверенные ученой степенью и ученым званием интеллект и знания оценивались теперь в 1,7 раза ниже – наглядный пример девальвации умственного труда в «государстве рабочих и крестьян»).

Впрочем, сравнение это можно продолжать бесконечно – понятно, что различий здесь больше, чем сходств; наша задача – проанализировать материальное положение профессора и рабочего, сравнив их как между собой, так и с их дореволюционными предшественниками. Для того, чтобы определить покупательные способности того и другого, следует прежде всего вычесть из сумм их зарплат 13% (12% – подоходный налог и 1% – профсоюзные взносы; партвзносы учитывать не будем, хотя беспартийный профессор был явлением довольно редким). Профессор получал «чистыми» 435 руб., рабочий – 174 руб.; что можно было купить на эти деньги?

Цены в СССР середины – второй половины 1980-х гг. выглядели следующим образом: мука пшеничная – 41 коп. за килограмм, пшено – 26 коп., рис – 80 коп., хлеб – 20 коп., молоко – 20 коп., масло коровье – 3 руб. 50 коп., масло подсолнечное – 1 руб. 20 коп., говядина – 4 руб. (рыночная цена: двухрублевую говядину в это время можно было увидеть только в столице), свинина – 3 руб. 50 коп. (цена коопторга: то же самое и со свиной), яйца – 90 коп. (десяток), сыр – 3 руб. 50 коп., картофель – 12 коп., капуста – 8 коп., сахар – 84 коп., кофе – 20 руб., чай – 7 руб. 20 коп. Соответственно, на профессорскую зарплату можно было купить (или – или): муки пшеничной – 1061 кг, пшена – 1673 кг, риса – 544 кг, хлеба – 2175 кг, молока – 2175 кг, масла коровьего – 124 кг, масла подсолнечного – 362 кг, говядины – 109 кг, свинины – 124 кг, яиц – 4833 шт., сыра – 124 кг, картофеля – 3625 кг, капусты – 5437 кг, сахара – 518 кг, кофе – 22 кг, чая – 60 кг. В свою очередь, на зарплату рабочего можно было купить (или – или): муки пшеничной – 424 кг, пшена – 669 кг, риса – 217 кг, хлеба – 870 кг, молока – 870 кг, масла коровьего – 50 кг, масла подсолнечного – 145 кг, говядины – 43 кг, свинины – 50 кг, яиц – 1933 шт., сыра – 50 кг, картофеля – 1450 кг, капусты – 2175 кг, сахара – 207 кг, кофе – 8 кг, чая – 24 кг.

Конечно, закупить разом на всю зарплату тонну муки или центнер мяса было нельзя, так как существовали нормы отпуска товаров в одни руки, но при желании было все-таки возможно. Приняв это условие, попробуем сравнить покупательную способность советского профессора с покупательной способностью его предшественника, жившего в 1890 г. (для некоторых товаров, цен на которых на 1890 г. мы не имеем, берем соотношения зарплата/цена по другим ближайшим рассмотренным нами периодам).

Пшеничной муки советский профессор мог купить в 2,1 раза меньше, пшена – в 2,3 раза меньше, риса – в 2,0 раза меньше, хлеба – в 3,5 раза меньше, масла сливочного – в 2,8 раз меньше, масла подсолнечного – в 2,7 раз меньше, говядины – в 11,3 раза меньше, свинины – в 8,2 раза меньше, яиц – в 2,3 раза меньше, сыра – в 5,8 раз меньше, картофеля – в 13,0 раз меньше, сахара-песка – в 1,8 раз меньше, кофе – в 9,0 раз меньше, чая – в 1,2 раза меньше. Если взять всю эту продуктовую корзину в целом, то получается, что покупательная способность советского профессора уступала покупательной способности его дореволюционного коллеги в 4,9 раза.

Теперь посмотрим на рабочих (для сравнения берем цены и зарплаты 1890 г., в отдельных случаях – по ближайшим периодам). Муки пшеничной советский рабочий по сравнению со своим дореволюционным предшественником мог купить в 3,7 раз больше, пшена – в 3,4 раз больше, риса – в 6,4 раз больше, хлеба – в 1,5 раз больше, масла коровьего – в 2,8 раз больше, масла подсолнечного – в 2,9 раз больше, говядины – в 1,5 раз меньше, свинины – столько же, яиц – в 3,4 раз больше, сыра – в 1,3 раз больше, картофеля – в 1,8 раз меньше, сахара – в 4,3 раз больше, кофе – в 1,2 раз мень-

ше, чая – в 6 раз больше. Таким образом, покупательная способность советского рабочего превосходила покупательную способность рабочего до революции в 2,4 раза.

Из этого следует, что спустя 70 лет после революции рабочие действительно стали жить лучше, чем до революции (в данном случае мы имеем в виду только продуктовую корзину) – в 2,4 раза, профессора же стали жить в 4,9 раз хуже. Профессорская зарплата по отношению к зарплате рабочего за советский период по сравнению с дореволюционным уменьшилась в пропорциональном отношении в 6,8 – 7,2 раза, по покупательной способности – в 11,8 раз; таков был итог политики партии и правительства, направленной на «сближение умственного труда с физическим».

Какую же ситуацию мы наблюдаем сегодня, дюжину лет спустя падения Советского Союза и начала развития «рыночных отношений»? Если учебная нагрузка преподавателя советского вуза реально составляла 600 – 700 часов, а у профессора, заведующего кафедрой, была на уровне 400 – 600 часов, то теперь учебная нагрузка преподавателя составляет в среднем 850 – 950 часов, а у профессора – в среднем 700. Однако это лишь верхушка айсберга, так как смехотворные размеры заработной платы вынуждают как минимум каждого второго преподавателя работать по совместительству, и для того, чтобы заработать полторы – две ставки, приходится отрабатывать 1300 – 1700 часов (нередко и более); профессор на полторы ставки отрабатывает 1000 – 1200 часов. Во времена Александра I, как мы помним, профессора вели занятия по 3 – 4 часа в неделю, при Николае I – по 8 часов, в советские времена – по 12 – 14 часов, а сегодня – по 17 – 21 часа (без совместительства; у работающих на полторы ставки учебная нагрузка может достигать 30 и более часов).

В новой демократической России профессора, таким образом, работать стали больше, чем в советские времена, не говоря уже о дореволюционных (наверное, профессор начала XIX в. не поверил бы, если бы ему сказали, что через два столетия его коллегам придется трудиться ровно в 10 раз больше). Как же оплачивается этот труд? Сегодня доктор наук, профессор получает за должность, степень и звание вместе 4640 руб. «грязными», т.е. 4037 рублей «чистыми». Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в России на март 2003 г. по данным Госкомстата составляет 5124 руб., средняя зарплата в промышленности (на февраль 2003 г.) – 5736 руб. (для сравнения: средняя зарплата в сфере образования – 2969 руб.). Таким образом, среднюю «чистую» зарплату индустриального рабочего мы можем определить в 4987 руб. Это на 24%, практически на одну четверть выше заработной платы профессора; таким образом, если советский профессор получал в 2,5 раза больше рабочего, то российский профессор – на 1/4 меньше. Это значит, что по отношению к зарплате рабочего современный российский профессор в 2003 г. получает в 2,7 – 2,8 раз меньше, чем в 1988 г., и в 21 – 22 раза меньше, чем дореволюционный российский профессор в 1912 г.

Посмотрим, что могут купить на свои деньги сегодняшние профессор и рабочий. Цены для этого расчета мы берем такие (средние цены за январь – март 2003 г., Воронеж): мука пшеничная – 7 руб. за килограмм, хлеб – 6 руб. 90 коп., пшено – 8 руб., гречка – 12 руб., рис – 13 руб., молоко – 8 руб., масло коровье – 70 руб., масло подсолнечное – 24 руб., сыр – 108 руб., говядина – 100 руб., свинина – 115 руб., яйца – 15 руб. (десяток), картофель – 12 руб., капуста – 20 руб., сахар – 18 руб., кофе – 200 руб., чай – 180 руб. Соответственно, профессор на свою зарплату может купить (или – или): муки пшеничной – 577 кг, хлеба – 585 кг, пшена – 505 кг, гречки – 336 кг, риса – 311 кг, молока – 505 кг, масла коровьего – 58 кг, масла подсолнечного – 168 кг, сыра – 37 кг, говядины – 40 кг, свинины – 35 кг, яиц – 2692 шт, картофеля – 336 кг, капусты – 202 кг, сахара – 224 кг, кофе – 20 кг, чая – 22 кг. Рабочий же на свою зарплату может купить (или – или): муки пшеничной – 712 кг, хлеба – 723 кг, пшена – 623 кг, гречки – 416 кг, риса – 384 кг, молока – 623 кг, масла коровьего – 71 кг, масла подсолнечного – 208 кг,

сыра – 46 кг, говядины – 50 кг, свинины – 43 кг, яиц – 3325 шт., картофеля – 416 кг, капусты – 249 кг, сахара – 277 кг, кофе – 25 кг, чая – 28 кг.

Таким образом, по сравнению с советскими временами (1988 г.), профессор сегодня на свою месячную зарплату может купить: муки пшеничной – в 1,8 раз меньше, пшеница – в 3,3 раз меньше, риса – в 1,7 раз меньше, хлеба – в 3,7 раз меньше, молока – в 4,3 раз меньше, масла коровьего – в 2,1 раз меньше, масла подсолнечного – в 2,2 раз меньше, говядины – в 2,7 раз меньше, свинины – в 3,5 раз меньше, яиц – в 1,8 раз меньше, сыра – в 3,4 раз меньше, картофеля – в 10,8 раз меньше, капусты – в 26,9 раз меньше, сахара – в 2,3 раз меньше, кофе – в 1,1 раз меньше, чая – в 2,7 раз меньше. Итого получается, что за период «демократических реформ» покупательная способность профессора снизилась по сравнению с концом советского периода в 4,6 раза.

А теперь сравним современного российского профессора с его коллегой из конца XIX века (1890 г.). По сравнению с дореволюционным временем, сегодняшний российский профессор может купить: муки пшеничной – в 3,8 раз меньше, пшеница – в 7,7 раз меньше, гречки – в 10,1 раз меньше, хлеба – в 12,5 раз меньше, риса – в 3,4 раз меньше, масла сливочного – в 6,0 раз меньше, масла подсолнечного – в 5,9 раз меньше, сыра – в 19,5 раз меньше, яиц – в 4,2 раз меньше, говядины – в 30,8 раз меньше, свинины – в 28,9 раз меньше, картофеля – в 140,6 раз меньше, сахара – в 4,2 раз меньше, кофе – в 9,9 раз меньше, чая – в 3,2 раз меньше. Итого: за советский период и «период демократических преобразований» покупательная способность профессорской зарплаты снизилась в 19,4 раза.

Теперь посмотрим на рабочего. По сравнению с 1988 г., современный российский рабочий может на свою зарплату купить: муки пшеничной – в 1,7 раз больше, пшеница – в 1,1 раз меньше, риса – в 1,8 раз больше, хлеба – в 1,2 раз меньше, молока – в 1,4 раз меньше, масла коровьего – в 1,4 раз больше, масла подсолнечного – в 1,4 раз больше, яиц – в 1,7 раз больше, говядины – в 1,2 раз больше, свинины – в 1,2 раз меньше, картофеля – в 3,5 раз меньше, капусты – в 8,7 раз меньше, сахара – в 1,3 раз больше, кофе – в 3,1 раз больше, чая – в 1,2 раз больше. В результате получаем, что за полтора десятка лет покупательная способность рабочего снизилась в 1,7 раза.

И так же сравним современного рабочего с его предшественником из 1890 г. По сравнению с последним, сегодняшний рабочий может купить: муки пшеничной – в 6,3 раз больше, пшеница – в 3,1 раз больше, гречки – в 2,4 раз больше, хлеба – в 1,2 раз больше, риса – в 11,3 раз больше, масла подсолнечного – в 4,2 раз больше, масла сливочного – в 3,9 раз больше, сыра – в 1,2 раз больше, говядины – в 1,3 раз меньше, свинины – в 1,2 раз меньше, яиц – в 5,8 раз больше, картофеля – в 6,4 раз меньше, сахара – в 5,8 раз больше, кофе – в 2,5 раз больше, чая – в 7 раз больше. Таким образом, несмотря на значительное ухудшение ситуации в постсоветский период, покупательная способность зарплаты современного российского рабочего превосходит аналогичный показатель конца XIX в. в 1,6 раза.

В конечном результате мы получаем такую цифру: соотношении покупательной способности зарплаты профессора по сравнению с покупательной способностью зарплаты рабочего в современной России меньше, чем в дореволюционной России, в 31 раз.

Конечно, профессора до революции получали очень много, а рабочие – слишком мало; советский режим исправил эту ситуацию, однако не столько за счет повышения реальной заработной платы рабочего, сколько за счет снижения реальной заработной платы профессора (это становится особенно очевидным, если взять во внимание тот факт, что объем рабочего времени, т.е. количество труда, уменьшился у рабочих в полтора раза, а у вузовских преподавателей, в т.ч. профессоров – во столько же раз увеличился). Но очевидно, что ситуацию сегодняшнюю иначе, чем абсурдной, не назовешь;

как же государство – в лице правительства – намерено исправлять эту ситуацию, и намерено ли вообще?

С 1 октября 2003 г. система оплаты труда работников бюджетного сектора, в том числе и сферы образования, должна быть реформирована. Однако подготовленная Министерством образования концепция отраслевой оплаты труда работников образования никаких иных чувств, кроме удивления и сожаления, не вызывает. Прежде всего, представляются недопустимо низкими коэффициенты, регулирующие размер оплаты труда в зависимости от уровня образования, квалификации и занимаемой должности. Так, низшая из всех возможных преподавательских ставок – ставка школьного учителя со средним профессиональным образованием без стажа, квалификационной категории и разного рода надбавок равна 1340 руб., а высшая из всех ставок профессорско-преподавательского состава – ставка декана со стажем более 20 лет, равна 4745 руб. (без надбавки за степень, которой, по данному проекту, для занятия должности декана не требуется), т.е. в 3,5 раз выше. В середине XIX в., как мы видели, декан университета получал 6000 руб. в год, а учитель рисования в уездном училище – 200 руб., т.е. максимальная ставка педагога превосходила минимальную в 30 раз. Если не забираться так далеко в историю и взглянуть на ситуацию накануне Первой мировой войны, то учитель начальной школы по закону от 3 мая 1908 г. получал 360 руб. годовых³⁸, а тот же профессор Воронежского СХИ по штату 1912 г. – 4500 руб., т.е. в 12,5 раз больше.

Просто смехотворными выглядят и стажевые коэффициенты: профессор со стажем до 3 лет должен будет получать 3735 руб., а профессор со стажем свыше 20 лет – 4250 руб., т.е. на 13,8% больше. У того же школьного учителя со средним профессиональным образованием соответствующие цифры выглядят как 1780 и 1340 руб., т.е. на 32,8% больше (для примера: в дореволюционной гимназии, по Положению 1871 г., только что принятый на работу учитель получал 750 руб., через 5 лет его оклад увеличился до 900 руб., а затем в зависимости от квалификации, стажа и наличия вакансий жалование последовательно возрастало до 1250 и 1500 руб.³⁹: максимальный стаж обеспечивал, по сравнению с минимальным, двойной оклад).

Наконец, самое печальное – это сами размеры зарплаты. Профессор кафедры с максимальным стажем будет получать оклад 4250 руб., вместе с надбавкой за степень получается 5750 руб.; «чистыми» выходит 5002 руб., и это еще без учета профсоюзных взносов. Это почти на 1 тыс. рублей больше, чем сегодня; но о том, какова ситуация сегодняшнего дня, мы говорили уже достаточно. Фактически с 1 октября 2003 г. профессору будут начислять зарплату, равную средней зарплате в промышленности – но на февраль 2003 г. (5736 руб.), а за эти полгода инфляция уменьшит реальный размер профессорской зарплаты еще на 7 – 8% (если не на все 10%).

Таким образом, правительством взят курс на стабилизацию профессорской нищеты (что уже говорить о доцентах, старших преподавателях и ассистентах!). Если бы правительство вознамерилось вернуть вузовским преподавателям советский уровень заработной платы, то профессор сегодня должен был бы получать в 2,5 раза больше, т.е. 11 – 12 тыс. руб., а если иметь в виду покупательную способность, то зарплату следовало бы увеличить в 4 – 5 раз, т.е. до 18 – 23 тыс. руб. Если же повысить – хотя бы только мысленно – профессорскую зарплату до дореволюционного уровня, то размер ее должен составить около 100 тыс. руб. Это около 40 тыс. долларов в год – примерно столько и получают профессора (учебная нагрузка которых равняется в среднем 240 часам) в не самых богатых европейских странах.

³⁸ Всеобщее обучение и земство. – СПб, 1910. – С. 178.

³⁹ Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. V. 1871 – 1873. – СПб., 1877. – Стб. 373 – 375.

Однако представляется, что ничего подобного нас не ожидает. Почему это так – проблема отдельная, требующая отдельного же анализа. Однако, даже не устанавливая причину, мы можем с абсолютной очевидностью предвидеть результат: государство, которое таким образом относится к поддержанию и воспроизводству собственного интеллектуального, научно-образовательного потенциала, в современном высокотехнологичном мире нежизнеспособно – оно не выдержит конкуренции со стороны других держав и будет уничтожено. И это не апокалиптическое пророчество, а прогноз на среднесрочную перспективу; учитывая современную социально-экономическую и военно-политическую обстановку в мире, историческое банкротство России есть дело ближайших двух – трех – пяти десятилетий. К этому неутешительному прогнозу можно добавить только одно: да минует нас чаша сия.